

УДК 908(047.2):910.4(1–924.71):929(=1.73)«18»

**«ДРУГОЙ КРЫМ»: РЕТРАНСЛЯЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ МИФОВ
О РОССИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О ПУТЕШЕСТВИЯХ
ПО КРЫМУ В XIX ВЕКЕ**

Прохорова Т. А.

*Историко-археологический заповедник «Херсонес Таврический»
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: grejprut@mail.ru*

На рубеже XVIII–XIX веков в России и в Крыму – на юге огромной Российской империи – появились первые путешественники из Америки. Молодое государство США испытывало значительный интерес к северопричерноморскому региону в свете потенциальных политических и экономических выгод для американского континента. В статье рассмотрены сочинения, вышедшие из-под пера двух американских авторов, Г. Дирборна и Дж. Дитсона, на страницах которых был создан особый образ Крыма – далёкого и некогда великого региона, места существования и расцвета великих цивилизаций древности. Автором сделана попытка проанализировать схему наложения общеисторических мифов о России на крымскую реальность. В своих сочинениях вояжеры рассказывали современникам о своём пребывании на полуострове, что делает их труды ценным историческим источником, переносящим нас в Крым двухсотлетней давности.

Ключевые слова: путешественники по Крыму конца XVIII – первой половины XIX века, исторические мифы о России, Крым, Симферополь, Америка.

В XVIII столетии в Европе, которая переживала необыкновенный культурный и интеллектуальный рост, особую популярность приобретают путешествия. Испокон веков европейцам была свойственна жажда странствий, но особенно остро тягу к новым знаниям и открытиям они стали испытывать именно в эпоху Просвещения. Исследователей привлекали малоизученные и неизведанные земли – загадочные страны Востока, а также Россия, которая в глазах европейцев издавна выглядела как дикая полуварварская страна. На протяжении всего столетия в страну приезжали тысячи людей из разных стран мира: купцы, ремесленники, инженеры, военные, учёные, дипломаты, разведчики, авантюристы и просто туристы. Вышедшие из-под их пера записки, мемуары, доклады и тайные репортажи были посвящены этой огромной стране, её экономике, культуре, населению, быту, религии.

Стереотип о варварской России укрепился в сознании европейцев во времена Петра I. В XVIII веке в России наступила эпоха коренных изменений: проводились реформы, появились новые государственные институты, менялось само общество и его структура. Но иностранцы в просвещённую Российскую империю приезжали с мыслями об отсталой Московской Руси – и тогда отмечали значительный подъём экономики, общественного движения, расцвет науки и искусства. Однако все добрые начинания перечёркивались в их глазах отсутствием либеральных свобод в сознании самих людей. Самодержавие, господство помещиков, дворян и чиновников, крепостное право – вот что, по их мнению, могло свести на нет все усилия раскрыть материальные и духовные богатства России.

В XVIII столетии европейские библиотеки пополнились новыми книгами о России: «Путешествие через Московию в Персию и Индию» голландского художника, этнографа, писателя Корнелиса де Брюйна (1652–1727), записки о пребывании в России первого испанского посла в России Якобо Франсиско Фитцджереймса Стюарта, герцога де Лириа-и-Херика, или просто герцога Лирийского (1696–1738), сочинение «История и анекдоты революции в России в 1762 г.» секретаря французского посла в России шеваляе Клода Карломана де Рюльера (1735–1791), записки французского посла графа де Сегюра (1753–1830); дорожные дневники академиков П. С. Палласа, С.-Г. Гмелина, И. П. Фалька; «Записки о России» маркиза Астольфа Луи Леонора де Кюстина (1790–1857). Некоторые авторы, восхищаясь величиим России, всё же жёсткой критикой обрушивались на пороки русского общества, делали категоричные выводы. В таком же ключе о России писал английский путешественник Э. Д. Кларк. Увидев лишь неприглядную наружность русской жизни, они не попытались понять общество, в которое попали, поэтому с дотошностью отмечали все изъяны и дисгармонию уклада жизни русских.

Под влиянием сложившихся консервативных взглядов иностранные авторы, впоследствии писавшие о России, о русском народе и его национальных качествах, в абсолютном своём большинстве говорили о ней предвзято. Помимо известных образов России – грубого русского мужика или раболепного крепостного крестьянина – в начале XIX века всё чаще стал эксплуатироваться образ свободного и воинственного казака. Именно этот образ стал определяющим для американских читателей, активно познававших Россию с начала XIX века.

В конце XVIII – начале XIX века в американском общественном сознании наметился определённый перелом: если ранее интересы жителей Нового Света замыкались на внутренние проблемы, то теперь огромный интерес представляли путешествия за океан и использование лучших результатов трансатлантического опыта. Зарубежные поездки осуществлялись американцами ради изучения европейского изобразительного искусства, литературы, науки, культуры; к этим мотивам следует добавить торгово-экономические интересы, деятельность религиозных миссий, поездки дипломатов и участников экспедиций, а также простых искателей счастья. В критической литературе пропагандировалась мысль о том, что публикация книг с описаниями европейских путешествий является свидетельством интереса граждан Нового Света по отношению к зарубежным странам; а это, в свою очередь, могло способствовать их интеллектуальному и социальному прогрессу, не говоря уже о решающем влиянии *«добрых плодов американской демократии на подверженные деспотическому правлению народы»* [1, p. 171].

Знакомство жителей Нового Света с Северным Причерноморьем происходило постепенно, в основном через прочтение сочинений об этих странах. В начале XIX века вышел посвящённый этим землям содержательный труд Генри Дирборна (1783–1851), американского юриста и государственного деятеля.

Сын генерал-майора Генри Дирборна (1751–1829), прославившегося в годы войны за независимость в США, Генри Александр Скаммель Дирборн (1783–1851), уроженец города Эксетер в Нью-Хэмпшире, получил юридическое образование, занимался юридической практикой в Сэйлеме (рис. 1). Там же он познакомился с двумя

джентльменами, чьи знания и опыт оказались для него полезными. Первый – капитан и корсар Джозеф Роупс (1770–1850), руководитель первого американского судна, вошедшего в Красное море и открывшего торговлю кофе с Африкой; второй – капитан Джеймс Холмэн (1786–1857), прозванный «слепым путешественником», странствовавший по Европе и Сибири [2, р. xviii–xx]. Этих джентльменов Дирборн избрал в качестве своих «информаторов», используя сведения о Северном Причерноморье, полученные от них, при написании своего труда о торговле на Чёрном море.

Рис. 1. Генри Александр Скаммель Дирборн (1783–1851)

В дальнейшем карьера Дирборна складывалась не менее удачно: в 1806 году он открыл юридический офис в Портленде, штат Мэн, был назначен руководителем

строительства фортов в Портленде, а затем стал офицером на таможне в Бостоне, где до этого его отец был сборщиком податей. В 1812 году Дирборн командовал войсками в Бостонской гавани во время англо-американской войны (1812–1815), в 1822 году был членом государственной конституционной конвенции. В 1829–1831 годах он был представителем от Роксбери в законодательный орган штата Массачусетс, сенатором от графства Норфолк и конгрессменом, а в 1847 году избран мэром Роксбери и ежегодно переизбирался на эту должность вплоть до своей смерти в 1851 году.

Г. Дирборн оставил своим соотечественникам в наследство многочисленные труды: «Научное исследование о коммерции и мореходстве на Чёрном море. Торговля и морская география Турции и Египта» в трёх томах; «История навигации и морского строительства с обзором береговой линии США» в двух томах; из неопубликованных: «Журнал 1816–1851 годов» в 39 томах; «Жизнь генерал-майора Дирборна» в 11 томах; «Поездки в Иллинойс в 1839 и 1840 году»; «Жизнь командора Бейнбриджа»; «Жизнь полковника Уильяма Рэймонда» в двух томах и другие [3, р. 769–777; 4, р. 45].

В 1819 году из-под пера Генри Дирборна вышел содержательный труд под названием «Научное исследование о коммерции и мореходстве на Чёрном море. Торговля и морская география Турции и Египта» (Бостон, 1819). Работа появилась на волне всеобщего интереса к Таврике (рис. 2). Генри Дирборн, осознавая необходимость для США контролировать торговлю на Чёрном море [5, р. xv], полагал, что в отличие от Америки, европейские страны рано обнаружили ресурсы Востока и не жалели усилий и затрат на то, чтобы получить последние географические, статистические и гидрографические сведения относительно этих регионов. *«Наша мощная Республика, – писал Дирборн, – странным образом забыла про эти воды как о своего рода пустоте на карте, и, кажется, не была подробно осведомлена о важности доступа к самому сердцу цивилизованной части восточного континента, предоставляемого этим проходом (черноморскими проливами. – Т. П.). [...] Американцы всегда опережали своих конкурентов, но вместо того, чтобы носить титул “нации пионеров” и охранять свои окольные маршруты, они оставили всё, чтобы полюбоваться пылом соперников и порадоваться их успеху; но это время закончилось, делом занялось правительство, и отныне американцы должны стремиться освоить эту торговлю, которая содержит такие заманчивые перспективы коммерческой деятельности. Наша нация достигла определённого величия, что требует уважения. Государи Европы, окончив войну, амбициозно культивируют более почётное искусство мира и проявляют искреннее расположение для поддержания дружеских отношений с США. Дипломатическая миссия в Оттоманскую Порту не будет теперь рассматриваться с ревностью или возбуждать всеобщую вражду, что ранее могло бы иметь больший резонанс»* [5, р. XVII–XVIII].

Молодое государство Нового Света не могло смириться с подобным просчётом. Непонятным для Генри Дирборна оставалось и то, как ведущие умы Нового Света не заметили такого количества работ, начиная с древности написанных о Северном Причерноморье. Именно по итогам их научного, как выражается автор, осмысления он написал свой труд. Примечательно, что Дирборн был страстным путешественником и много ездил по Америке, зато в Европе и в описанном Крыму никогда не бы-

вал. Это отличает его от многочисленных предшественников, писавших о Причерноморье по результатам личных наблюдений. В начале своей работы Дирборн перечисляет более семи десятков авторов, к трудам которых он обращается. Среди них значатся Геродот, Диодор Сицилийский, Страбон, Павсаний, Плиний, Ксенофонт, Плутарх, а также путешественники по Крыму: Мария Гатри, Петр-Симон Паллас, Эдвард-Дэниел Кларк и леди Кравен [5, р. xi–xiii]. Обращение Генри Дирборна к запискам путешественников было закономерным: на страницах этих сочинений сохранилась подробная новейшая информация о Крыме, состоянии его городов, его экономике, жизни населения и культуре, что и сегодня делает их для нас ценным историческим источником [6; 7, с. 78].

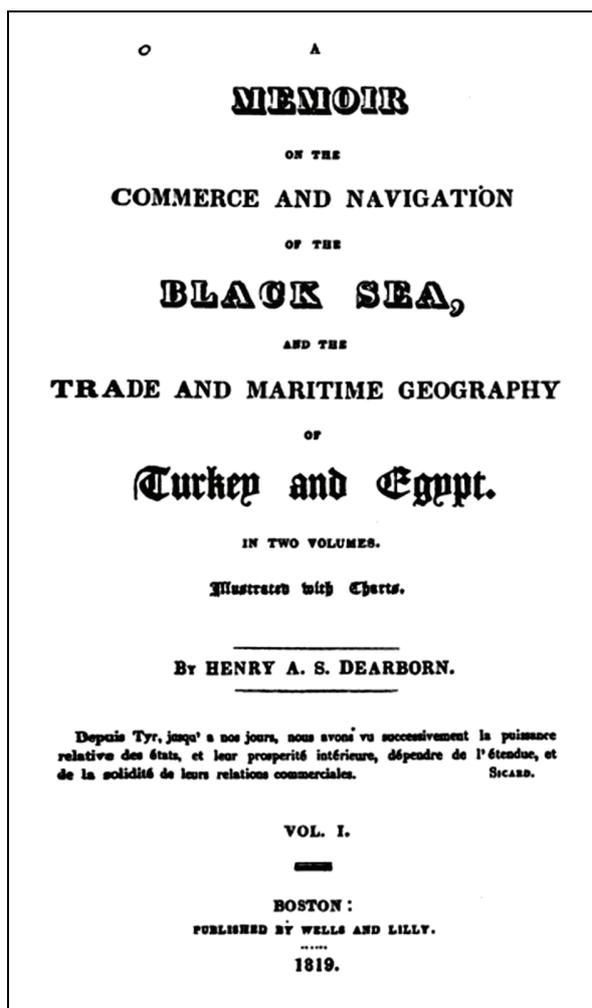

Рис. 2. Титульный лист сочинения Генри А. С. Дирборна «Научное исследование о коммерции и мореходстве на Чёрном море. Торговля и морская география Турции и Египта» (Бостон, 1819)

Не меньшую роль в написании труда Г. Дирборна сыграли люди, от которых он получал уточняющие сведения и дополнительную информацию. Помимо уже упомянутых судьи У. Бенгли, капитана Дж. Роупса и Дж. Холмэна из Сэйлема, в их числе было ещё семь человек: командор Уильям Бейнбридж (1774–1833); первый российский консул в Бостоне Алексей Григорьевич Евстафьев (1779/83–1857) – донской казак, писатель, переводчик, который прожил в Америке с перерывами свыше сорока лет (с 1808 по 1852 г.) и просвещал американцев в области русской истории [8]. Он перевёл на английский язык трагедию А. П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец», написал книгу о Петре I (1812), трагедию «Царевич Алексей». Евстафьев сравнивал Петра I с Дж. Вашингтоном и Х. Колумбом. В 1812 году появилась его работа «Ресурсы России в случае её войны с Францией» об истории страны и её современном положении. Его драма «Казачи на пути в Париж» (1814) была поставлена в Бостоне. Ещё одним важным для Дирборна информатором был губернатор Вирджинии полковник Уилсон Кэри Николас (1761–1820) [9]. Кроме того, в перечне лиц значатся офицер, член Американского общества антикваров Чарльз Уильям Грин; Джон Уоли Лэнгдон (1772–1860/61), негодант, торговавший со Смирной; дипломат, глава американского консульства в Кадисе Джеймс Линдер Кэткарт (1767–1843) и путешественник, американский консул в Малаге Джордж Гвельф Баррел (1780–1838), автор «Журнала путешествия из Бостона в Малагу на борту брига “Венера” и возвращения на скутере “Луизиана” Джордж Баррела» (1806). Помимо этого, в семейном архиве Дирборнов хранится переписка Генри Дирборна – младшего за 1805–1851 годы с членами его семьи и многими известными деятелями той эпохи, включая политиков, коммерсантов и путешественников: с Д. Л. Чайлдом (переписка о русских провинциях на берегах Чёрного моря); Джоном Уилсоном (писал ему о Восточной Пенсильвании и торговле сосной); с Томасом Людвигом Огденом, Джорджем Кроссманом и Августом Митчелом, рассказавшим ему о революции во Франции, а также Уильямом Спэкпоулом, Джорджем Салливаном, Томасом Уайтмором и Альфредом Элай. В общей сложности – сотни писем, и в каждом из них – информация о волновавших его проблемах из первых уст.

Огромный интерес автора к причерноморскому региону был обусловлен рядом знаменательных исторических событий, для коих он стал ареной, и древностями, которыми богаты земли Причерноморья. Дирборн описал главные города Крымского полуострова: Севастополь, его бухты и военный порт, греческую колонию Балаклаву, а также города, в разные исторические эпохи бывшие столицами Таврики: Керчь – древний Пантикапей, «малый Константинополь» Каффу, Старый Крым – первую резиденцию крымских ханов, Бахчисарай и столичный Симферополь. Роль этих центров в экономике современного ему Крыма, по мнению автора, невелика. Это обусловлено тем, что их потенциальные возможности используются не полностью, как, например, это было в древности. Тогда в этих городах были сосредоточены все богатства Причерноморья, все товары и сокровища западных и восточных цивилизаций. Неслучайно автора интересуют остатки древностей, следы прежнего величия крымских центров. Говоря о Севастополе, Дирборн увлекается описанием всего Гераклеяского полуострова, ищет следы «Старого» и «Нового» Херсонеса. Автору интересны скалы в Инкермане с высеченными часовнями, монастырями,

комнатами, гробницами. Воображение Дирборна потрясает всё вокруг: и разнообразные скальные сооружения, и старинный арочный мост через реку Чёрная, и пещеры, *«столь многочисленные, что они занимают весь склон горы»*, башни и зубчатые стены крепости. При детальном рассмотрении становится ясно, что все эти описания и выводы относительно памятников Дирборн позаимствовал у авторов, на чьи труды ссылается. По крайней мере, точно так же за 20 лет до него Инкерман описывали П. С. Паллас и Э. Д. Кларк [10, с. 50–52]. Вместе с тем американского автора нельзя упрекнуть в отсутствии собственных умозаключений. Так, он продолжил рассуждения учёных о связи между крепостью в Инкермане и пещерами: *«Наличие лестниц, которые ведут к самим пещерам, делает очевидным, что крепость была возведена там в то же время, когда были сделаны первые высечения»* [5, р. 301].

Пересказывая труды древних авторов, Дирборн не забыл упомянуть о находках в Херсонесе (надгробие Феагена), о Евпатории Диофанта – городе, расположенном, по его мнению, на западной стороне Карантинной бухты, о некрополе и городских стенах Херсонеса, о полуострове Фанари на юго-западном побережье Гераклейского Херсонеса (полуострова), о монастыре Святого Георгия и Священном мысе, рассматриваемом многими историками как Парфениум Страбона, где проводились ужасные обряды в честь Таврической Дианы. *«Два других мыса между Севастополем и Святогеоргиевским монастырём, – как говорит автор, – были обозначены некоторыми путешественниками как места, напоминающие внешне образ демона. Хотя, кажется, не может быть никакого сомнения среди древних или современных писателей относительно кровавых жертвоприношений, подносимых этому Боже-ству, но существует сомнение, к которой из богинь языческих оно может быть отнесено – скифского или греческого происхождения»*. Два других мыса, о которых пишет Дирборн, – это м. Фиолент и Айя-Бурун. Последний сегодня часто путают с м. Айя; для путешественников XIX века Священный мыс (Айя-Бурун) располагался на месте современного мыса Лермонтова [ср.: 10, с. 43; 11, с. 227; 12, с. 534].

Наибольший интерес для автора представляют места, где родилась и процветала торговля в Северном Причерноморье: Каффа, в течение двух столетий бывшая самым влиятельным и цветущим городом Крыма за счёт торговли между Ост-Индией и Европой [5, р. 308], и Керчь, или русский Босфор [5, р. 312], расположенная на месте древнего Пантикапея. Древняя история этого города имела насколько огромное значение, что именно оттуда вымышленный Анахарсис-младший в сочинении аббата Бартелеми отправился в своё путешествие по Греции [5, р. 316].

Весьма интересна роль бывшей ханской столицы Бахчисарая, которую отводит ей автор [5, р. 298]. Новая столица Ак-Мечеть, или Белая Мечеть, названная русскими Симферополем, как описывает её Дирборн, находится на берегу реки Салгир. Город, отличающийся особым местоположением в плодороднейшей долине, по мнению автора, заслуживает внимания путешественников. Описывая достопримечательности столичной округи, Дирборн стал жертвой собственной компиляции и перепутал некоторые ключевые объекты Крыма. *«В задней части города (Симферополя. – Т. П.), – пишет он, – находится крепость Манкуп (Монкоор) необыкновенной величины, о которой можно поэтично сказать, что она расположена буквально в облаках. Она занимает вершину полукруглой изолированной горы. Грозный вид, высота и скалистые*

перпендикулярные стороны этой горы, представляющей собой независимо от точки обзора величайшее творение природы, наполняют разум изумлением при входе в ущелье, которое ведёт на её вершину. При этом не видно ничего, что могло бы облегчить восхождение к этим высотам, и гораздо меньше возможностей транспортировать материалы было у тех, кто проделал колоссальную работу (были ли это генуэзцы или кто-то другой) и построил цитадель, возможно, не имеющую параллелей во всей Европе. Это результат их богатства, мастерства и предприимчивости. Последними владельцами Мангупа были евреи. Разрушенные мраморные плиты их могил лежат на кладбище под деревьями у подножия горы. Подъём в крепость был когда-то вымощен по всему пути и там была построена лестница, части которой всё ещё существуют во многих местах. Вершина горы покрыта остатками замка, церковей и других общественных зданий. На самой высокой части этой горы есть красивая равнина с прекрасной землёй, усеянной карликовыми розами. На северо-восточной окраине горы находится пещера, аккуратно высеченная в твердой породе, называемая татарами Мыс ветров. Большие арочные окна расположены с четырех сторон. Из-за потрясающего обзора, который отсюда открывается на всю окрестную территорию, он, вероятно, служил в качестве поста для военного наблюдения. Ниже этой пещеры ещё одна камера выводит к нескольким комнатам на разных его сторонах; все они были высечены в той же скале» [5, р. 319–320]. Таким образом, автор описывает гору, господствующую над Симферополем (Чатыр-Даг), и собственно Мангуп с его мысом Ветров (Элли-Бурун), смешивая, таким образом, совершенно разрозненные объекты. Вероятно, Дирборн посчитал, что из Симферополя хорошо виден именно Мангуп.

Симферополь, как считает Дирборн, может быть интересен и как резиденция профессора Палласа, и как изобилующая дичью долина, и как место закладки императорского ботанического сада с богатой коллекцией растений, типичных для южных регионов России.

Образ Крыма, который сложился на страницах сочинения Генри Дирборна, сводился к следующему. Крым – это некогда великий регион, но величие его всегда было условным, чужеродным, принесённым извне. Сначала тут создали могущественную цивилизацию древние эллины и римляне, следом за ними – византийцы, в средние века регион процветал благодаря торговле, налаженной через его порты генуэзцами, а позже и до недавнего времени – это вассал блистательной Порты с её роскошью и богатствами. Теперь же эта земля оставлена прежними владыками, а значит, впереди новая эпоха – эпоха американского влияния в регионе.

Как видится, дилетантизм Дирборна помешал ему подготовить грамотное описание Таврики, с тем чтобы жители Нового Света могли составить справедливое представление о далёком крае. Это относится и к его описанию Симферополя. Поскольку автор не сказал ничего ни об общественных зданиях нового города, ни о его населении, ни о двух разных частях Симферополя – русской и татарской, ни о его значении для Крыма, Дирборн, должно быть, не имел проверенных сведений о крымской столице. Поэтому американский читатель вряд ли мог узнать что-либо полезное о городе из труда Дирборна.

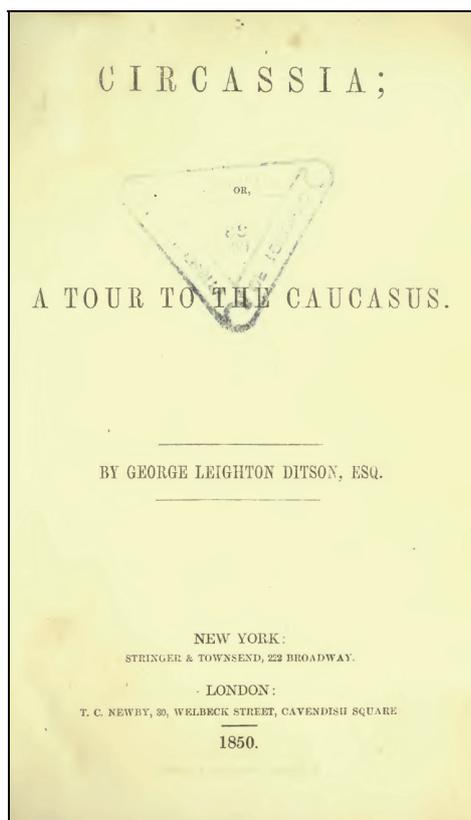

Рис. 3. Титульный лист сочинения Джорджа Дитсона «Черкесия, или путешествие на Кавказ» (Лондон, 1850)

Рис. 4. Черкешенка. Иллюстрация к сочинению Джорджа Дитсона «Черкесия, или путешествие на Кавказ» (Лондон, 1850)

Это предопределило незначительный интерес со стороны иностранцев к Симферополю в первой половине XIX века. Другой американский путешественник Джордж Дитсон, приехав в Крым через 30 лет после выхода труда Дирборна, мало интересовался городом, оставив в своём сочинении короткую заметку о Симферополе.

Сочинение Джорджа Дитсона «Черкесия, или путешествие на Кавказ», написанное после его путешествия по России в 1847–1848 годах, было издано в Нью-Йорке в 1850 году (рис. 3). Труд автора так и не был переведён на русский язык, поэтому важным видится обращение к запискам вояжёра, ведь они способны дополнить истинную картину о состоянии Крыма и его древних памятников в первой половине XIX века. Исключительность произведения доктора Дитсона заключается и в том, что он был первым американцем, который посетил Черкессию после её завоевания Россией и совершил переход через Кавказ. На этом фоне сочинение Джорджа Дитсона обладало несомненной новизной. Во введении к своему труду Дитсон от-

мечал: *«Об этих уголках планеты, чрезвычайно интересных, которым посвящены следующие страницы, в американской прессе нет ни одной работы. В этой связи данная работа может претендовать на новизну. Тот факт, что Крым с его необычными живописными татарскими городами и великолепными курганами и Черкесию, оплот непобедимых героев, родину прославленных во всём мире красавиц, не посещал ни один другой американский путешественник, может служить достаточным поводом для того, чтоб извинить меня за дерзость опубликовать журнал моего тура. Для тех, однако, кто не согласен с этим, я хотел бы сказать, что многие гении, как на нашей Родине, так и за рубежом, убеждали меня отдать сию работу на суд публике»* [13, р. v] (рис. 4).

Дитсон старался писать о России осторожно и справедливо. Щедрый на возвышенные отзывы, он в то же время не лишал описанные картины правдивых замечаний, не избегал повествований о суровых сценах и диких местах, которые он посетил. Но разительнее всего были гостеприимство и щедрость, с которыми встретили его в стране «северных медведей», которые, по его выражению, *«способны укунить чужака за рубежом, но лизжут его руку у своей двери»* [14, р. 164].

Задаваясь вопросом, какая судьба ожидает это огромное государство, автор приводит читателя к мысли, что будущее страны зависит от подчинения всех и каждого единой власти, воле одного человека. А ведь Россия – это великолепная плеяда многочисленных народов: здесь и *«жизнерадостные»* поляки, и *«благородные»* венгры, и *«красивые»* грузины, и *«бесстрашные»* казаки, и *«непокорные»* черкесы. Наряду с другими писателями, Дитсон наделяет русских сообразительностью, изобретательностью и умом, а также невероятной выносливостью. Любой русский, как считает автор, всецело отдаёт свою жизнь в руки отца-императора и с радостью покажет любому чужаку на своей земле, что *«бескрайние просторы его бесплодной родины ему дороже, чем великолепные города и сирали, стоящие тысяч жизней»*. Общий тон произведения пропитан духом восхищения, тем более что автор попытался сконцентрировать свой взгляд на тех положительных аспектах, которые европейцы старались не замечать. Своё путешествие Дитсон начал с определённым настроением и никогда не изменял своей философии. Оказавшись в бедном адыгейском поселке или татарской деревне, он напоминал читателю, что *«под этими худыми крышами лучше возрастают прекрасные женщины и сильные мужчины, чем в мраморных дворцах Англии или Франции»*. В отличие от многих других сочинений иностранцев о России, Джордж Дитсон написал не избличающую работу, а красочный очерк, за что стал предметом для нападков со стороны критиков [14, р. 165].

Американский доктор, писатель и путешественник Джордж Лейтон Дитсон (1812–1895) также был известен своими странствиями по всему миру. В Крым он приехал в октябре 1847 года по пути в Черкесию, куда американский вояжёр отправился по приглашению и при содействии М. С. Воронцова (с 1844 года наместника и главнокомандующего русскими войсками на Кавказе).

Биографических сведений о Джордже Дитсоне известно немного: родился 5 августа 1812 года в Уэстфорде (штат Массачусетс), получил образование в академии Уэстфорда, изучал медицину в Бостоне. Из-за проблем со здоровьем Джордж Дитсон вынужден был бросить учёбу, после чего отправился в своё первое путешествие

в Египет и Индию по морю. Странствия увлекли Дитсона, много лет он путешествовал по Европе, Азии и Африке. Вернувшись в Соединённые Штаты, он получил медицинскую степень в университете Вермонта в 1864 году, но так никогда и не практиковал. Некоторое время Дитсон жил на острове Куба и попробовал себя на дипломатическом поприще, неоднократно назначался на должность действующего консула США в Нуэвитасе при президентах Джоне Тайлере (в 1841–1845 годах) и Джеймсе Полке (в 1845–1849 годах), открыл и разработал медные рудники в Баятаво на Кубе. Проживая в Пуэрто-Принсипе, в 1842–1843 годах был профессором английского языка в колледже Дюпюи.

Доктор Дитсон посетил немало стран на всех континентах, что дало ему богатейший материал для творчества, и написал несколько работ: «Черкесия, или путешествие на Кавказ» (Нью-Йорк, 1850); «Кримора» (Бостон, 1852); «Полумесяц и французские крестonosцы» (Нью-Йорк, 1859; переиздано как «Приключения и наблюдения на северном побережье Африки»); и «Федераты Италии» (Бостон, 1871). За свои общественные и литературные заслуги он был избран членом многих научных обществ, в том числе Геологического общества Франции, Теософского общества, Американского восточного общества [15, р. 182; 16, р. 49; 17, р. 440; 18, р. 146].

Прежде чем отправиться в поездку, Джордж Дитсон познакомился с рядом работ, авторы которых побывали в Крыму и Черкесии до него. Эти труды были источником компетентных сведений о посещённых местах для Дитсона и зачастую предоставляли особое мнение, отличное от его собственного. Среди своих источников Дитсон называет сочинения Дж. А. Лонгуорда, К. Оммер де Гелль, М. Гатри, Э. Спенсера, П. С. Палласа, шевалье Ж. В. Тэбу де Мариньи. И, хотя английский путешественник оставил без внимания ряд фундаментальных трудов о Крыме, принадлежащих перу Фр. Дюбуа де Монпере, П. И. Сумарокова, И. М. Муравьёва-Апостола и Н. Н. Мурзакевича (которые, вероятно, были неизвестны ему в англоязычном переводе), все перечисленные им работы создавали надёжный базис для написания полноценного исследования о Крыме.

Сочинение Джорджа Дитсона о Крыме написано последовательно, в дневниковом стиле, что позволяет детально реконструировать маршрут его путешествия. В Крым автор прибыл морем из Одессы 29 октября 1847 года и начал знакомство с полуостровом с осмотра Севастополя. Высадившись на Графской пристани, путешественник осмотрел центр города, совершил экскурсию по Севастополю и древнему Херсонесу, побывал в Инкермане и Балаклаве и отправился в Бахчисарай. Насладившись восточной экзотикой прежней ханской столицы, Дитсон отправился в Восточный Крым. По пути туда он заехал в Симферополь. Карасубазар, Феодосия и Керчь увлекли путешественника своими древностями – осматривая окрестности, древние курганы, статуи, храмы и гробницы, Дитсон провёл здесь девять дней и только 13-го ноября отправился на восточное побережье Чёрного моря.

Рассказ Дитсона о Симферополе, не столь информативный, сколько образный, содержит ряд интересных замечаний. Дневной переезд из Севастополя в Симферополь по бездорожью в дождливую погоду утомил путешественников. Устроившись на почтовой станции в Симферополе, Дитсону наконец удалось отдохнуть. Американского путешественника даже не смущало то, что за каждое удобство приходи-

лось отдавать дополнительную плату. К русским порядкам он относился снисходительно. Вероятно, Дитсон, знакомый с негативными отзывами о России из прошлых сочинений, был готов и к неудобствам в пути, и к отсутствию хороших гостиниц, и к дороговизне, и к лености прислуги, и даже к плохой погоде. Умудрённый дальними странствованиями, автор был готов к сложностям подобного мероприятия, он не сетует на задержки, неприятности и вымогательство местных хозяев, а, напротив, по-доброму сочувствует им. Дитсон отметил центральное положение Симферополя, множество прекрасных общественных зданий, церквей и частных имений в русской части города. Дитсона поразило многообразие народов, проживавших здесь: татары, греки, армяне, евреи, цыгане. В бывшей резиденции калги-султана, а теперь – месте пребывания здешних дворян и офицеров, в Симферополе, можно было совершить несколько приятных встреч: с П. С. Палласом в своё время или с супругой наследника крымских ханов Анной Нейльсон. В Симферополе Дитсон отведал местное вино, полученное из винограда, который выращивали на виноградниках её супруга Александра Ивановича Султан-Крым-Герая в долине реки Салгир. Но наиболее невероятными автору представлялись различия в русских, европейских и татарских национальных порядках. Татарская женщина, тщательно закутанная в её фередже – во избежание назойливого взгляда, скользкая в своих жёлтых ботинках, замирала в ступоре, поражённая смелым, смеющимся открытым лицом русской красавицы, когда та пролетала мимо в её нарядных дрожках. Спускаясь по грязной узкой тропинке, искусно проделывая путь через грязь и по беспорядочным камням, она бесшумно проскальзывала в ворота в высокой стене, которая скрывает её дом от прохожего. Русская же дама отправлялась в возвышенно-равнинную часть города, где широкие улицы, массивные здания и вооружённые солдаты символизировали богатство и власть. Она садилась у открытых окон в просторном особняке, кружилась в вальсе и попивала чай в кругу семьи или читала последний французский роман [13, p. 117].

Таким Джордж Дитсон увидел Симферополь. И благодаря ему город, где встретились две цивилизации, где сосуществовали различные народы и религии, смогли «увидеть» и жители Нового Света.

Пассаж Джорджа Дитсона, посвящённый другим городам, также содержит ряд ценных замечаний. Автор познакомил читателя с исторической ретроспективой Крыма, дав общий обзор событий с VI века до н. э. до XV столетия. Керчь и Восточный Крым описаны в его труде довольно детально, с упором на сохранившиеся древности (что для нас ценнее и интереснее), а отрывок о Феодосии содержит реконструкцию политической истории края. Из него становится ясно, что автор был ограничен в источниках, поэтому сведения его скудны и отрывчаты. В стремлении охватить как можно больше, Дитсон жертвует подробностями, допускает пропуски в изложении и ошибки. Отрицательным моментом стало и то, что автор упустил возможность познакомиться с феодосийским собранием древностей, так и не увидев музей. Однако значение Феодосии-Кафы он оценил справедливо, так что американский читатель имел верное представление об этом городе.

Джордж Дитсон, первый американский путешественник, посетивший Восточный Крым и Черкесию, продемонстрировал огромный интерес всего мира к чер-

номорскому региону. Автор предвидел, что перспектива дальнейшего продвижения России на юг ни в Западной Европе, ни на американском континенте не встретит одобрения. Дитсон понимал, что весь англиканский мир тотчас же осудит Россию безо всяких на то причин (что остро чувствуется и сегодня) за отстаивание своих национальных интересов.

На рубеже XVIII–XIX веков в России, Европе и Крыму гостей из Нового Света было немного. Американцы не спешили отправляться в далёкие путешествия по нескольким причинам. Во-первых, молодое государство США только оправилось от последствий кровопролитной войны за независимость, поэтому все их национальные силы были брошены на укрепление государственности. В путешествия, как известно из опыта европейских странствий, отправлялись учёные и важные чиновники, т. е. деятельные люди, можно сказать, лучшие умы своего времени, а эти силы были нужны Штатам для государственного строительства. Во-вторых, путешествовать за свой счёт, рискуя жизнью и здоровьем, решался далеко не каждый, особенно если речь идёт о вояже за океан. Без достаточных средств, без знакомств и связей, без поддержки своего и принимающего государства такая поездка была просто невозможной. Поэтому путешествовали в основном коммерсанты и дипломаты – они-то и были главными рассказчиками о далёких странах. В-третьих, столь немногочисленные путешествия американцев в Европу и Азию – это пример доктрины национальной безопасности США в действии. Ограничивая выезд своих соотечественников из государства до определённого возраста, правительство США укрепляло общество и национальную идею, воспитывало преданных граждан своего государства.

На этом фоне для рядовых американцев единственным источником о Европе и Азии становились сочинения европейских путешественников и немногочисленных пилигримов из своей страны. К примеру, в США полюбили произведение Э. Д. Кларка – путешественника, посетившего Россию и Крым в начале XIX века, лично знакомого с П. С. Палласом, описавшего древности нашего полуострова [19]. О России в Америке читали и в произведении Джона Ледьярда (1751–1789), известного не только как участника третьей экспедиции капитана Кука, но и как исследователя Сибири. Именно благодаря ему у американцев проснулся столь живой интерес к татарам Крыма, поскольку и они, по его мнению, и азиатские татары, и даже индейцы Америки являются представителями одной семьи, и Америка была в свое времена заселена выходцами из Азии [20, р. 331–332].

Сочинения двух американских путешественников позволили по-разному взглянуть на Крымский полуостров. Дирборн, скомпилировав все известные ему сочинения о странах в бассейне Черного моря, развил благую идею – о необходимости интенсивного культурного и интеллектуального обмена между Старым и Новым Светом. Однако не всегда благие намерения имели достойный результат, ведь любая спекуляция на политические темы охватывала Американские Штаты, проникала в прессу и просачивалась в сознание обывателей. Извечное соперничество США и Великобритании, подогреваемое настроениями после недавней войны за независимость, приводило к тому, что англичане, путешествовавшие по Америке, и американцы, приезжавшие в Англию, превращали свои сочинения в бич, направленный против соперника, избличавший все пороки общества. В то же время нелюбовь к

британцам заставляла гостей из Нового Света по-иному взглянуть на её противников, в том числе Россию.

Творческое начало, обнаруженное Дирборном, послужило и исследователям истории и культуры. Через 30 лет посетить эти же земли решил Джордж Дитсон, автор совершенно иного по характеру и настроению произведения. Справедливая картина, свободная от политических спекуляций, которую рисует Дитсон, позволяет нам расширить представления о роли Крыма в мировой истории и увидеть полуостров таким, каким он был более двух столетий тому назад, и исправить ошибки, допущенные предыдущим американским автором. Симферополь, который запомнился путешественникам более своим местоположением, нежели значительными постройками, оставался в середине XIX века тихим провинциальным центром губернии.

Имя Джорджа Дитсона, затерявшееся на фоне более авторитетных для Крыма фамилий П. С. Палласа, Фр. Дюбуа де Монпере, К. Г. Коха, всё же заслуживает того, чтобы быть вписанным в летопись исследований полуострова. В критической литературе неоднократно отмечалось, что американцы и англичане перешли на новый этап межнационального противостояния. На смену военному пришло культурное и интеллектуальное соперничество. Сравнивая сочинения двух путешественников – американца Джорджа Дитсона и британца Олифанта, одновременно побывавших в Севастополе в середине XIX в., – рецензенты отмечали бóльшую наблюдательность и прозорливость американского автора, которому принадлежит не только гениальная догадка сравнить генеалогию шотландских кланов, индейских племён Америки, индусов и черкесов, но и попытка проинспектировать военные укрепления в России за несколько лет до начала Восточной (Крымской) войны. Американцы, как ревностно отмечалось в британской прессе, становятся одной из самых читающих наций. И в то время как в Великобритании тысячи книг в старых публичных библиотеках гниют на полках, американцы посылают в Англию за новыми и старыми книгами.

Новые работы о Крыме, в особенности это касается малоизвестных и не переведённых на русский язык трудов, дополняют наши знания о полуострове. Джордж Дитсон, первый американский путешественник, посетивший Восточный Крым и Черкесию, продемонстрировал огромный интерес всего мира к черноморскому региону, что позволяет в очередной раз утвердиться в мысли о роли и значении нашего полуострова для крупнейших держав мира. Изучение записок иностранцев и, что более важно, перевод их на русский язык, всецело оправданы, поскольку лишь с привлечением разнообразных источников становится возможным восстановить правдивую картину прошлого.

Список использованных источников и литературы

1. Art. IV. A Visit to Europe in 1851 by Professor Benjamin Silliman of Yale College with Illustrations. New York. 2 vols. 8vo. 1854 : [book review] // The Eclectic Review. – London, 1854. – Vol. VII. – P. 171–192.
2. Holman D. E. The Holmans in America, concerning the descendants of Solaman Holman / D. E. Holman. – New York : The Grafton Press, 1909. – Vol. 1. – 295 p.
3. Genealogical and Family History of the State of Maine, compiled under the editorial supervision of George Thomas Little, A. M., Litt. D. : [in 4 vols.] / ed. by G. T. Little, Rev. H. S. Burrage, A. R. Stubbs. – New York : Lewis historical Pub. Co., 1909. – Vol. 2. – P. 501–1050.

4. Duyckinck E. A., Duyckinck G. L. *Cyclopedia of American literature, embracing personal and critical notices of authors and selections from their writings from the earliest period to the present day* : in 2 vol. / E. A. Duyckinck, G. L. Duyckinck. – New York : Charles Scribner, 1866. – Vol. 2. – 784 p.
5. Dearborn H. A. S. *A memoir on the commerce and navigation of the Black Sea and the trade and maritime geography of Turkey and Egypt* : [in 2 vol.] / H. A. S. Dearborn. – Boston : Wells & Lilly, 1819. – Vol. 1. – 376 p.
6. Непомнящий А. А. Мандрівництво по Криму у першій третині XIX ст. та його роль у розвитку краєзнавства та туризму / А. А. Непомнящий // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму ФПУ. – Київ, 1998. – Вип. 1 : матеріали III Всеукраїнської науково-практичної конференції «Туризм в Україні : економіка та культура» : у 2-х ч. – Ч. 2. – С. 138–144.
- Непомнящий А. А. Мандрівництво по Криму у першій третині XIX ст. та його роль у розвитку краєзнавства та туризму / А. А. Непомнящий // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму ФПУ. – Київ, 1998. – Вип. 1 : матеріали III Всеукраїнської науково-практичної конференції «Туризм в Україні : економіка та культура» : у 2-х ч. – Ч. 2. – С. 138–144.
7. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века) : библиография. – Киев : [б. и.], 1999. – 211 с.
- Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XIX века) : библиография. – Киев : [б. и.], 1999. – 211 с.
8. Wiener L. *The First Russian Consul at Boston* / L. Wiener // *The Russian review*. – New York : The Russian Review Pub. Co., 1916. – Vol. 1. – № 3. – P. 131–140.
9. Weeder E. J. *Wilson Cary Nicholas, Jefferson's Lieutenant* : M.A. thesis / E. J. Weeder ; University of Virginia. – Charlottesville, 1946. – 144 p.
10. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / П. С. Паллас ; пер. с нем. ; отв. ред. Б. В. Левшин ; сост. Н. К. Ткачева. – М. : Наука, 1999. – 246 с. – (Сер. : «Научное наследство» ; т. 27).
- Pallas P. S. *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* / P. S. Pallas ; per. s nem. ; otv. red. B. V. Levshin ; sost. N. K. Tkacheva. – M. : Nauka, 1999. – 246 s. – (Ser. : «Nauchnoe nasledstvo» ; t. 27).
11. Кёппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических / П. И. Кёппен. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1837. – 412 с.
- Кёппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических / П. И. Кёппен. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1837. – 412 с.
12. Тункина И. В. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.)* / И. В. Тункина. – СПб. : Наука, 2002. – 676 с.
- Tunkina I. V. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – sredina XIX v.)* / I. V. Tunkina. – SPb. : Nauka, 2002. – 676 s.
13. Ditson G. L. *Circassia : or, a tour to the Caucasus* / G. L. Ditson. – New York : Stringer & Townsend, 1850. – 453 p.
14. *Tour to the Caucasus* // *The United States Democratic Review*. – New York, 1850. – Vol. 26. – P. 164–173.
15. Ditson // *Appletons' Cyclopaedia of American Biography* : in 7 vol. / ed. by J. G. Wilson, J. Fiske. – New York : D. Appleton & Co., 1898. – Vol. II : Crane – Grimshaw. – P. 182.
16. Shavitt D. *United States Relations with Russia and the Soviet Union : a historical dictionary* / D. Shavitt. – Westport, CT : Greenwood Press, 1993. – 176 p.
17. Ditson George // *The National cyclopedia of American biography* / ed. by G. Derby, J. T. White. – New York : J. T. White & Co, 1906. – Vol. 1. – P. 440.
18. Ditson // *A library of the world's best literature* : in 46 vol. / ed. by C. D. Warner. – New York : International society, 1896. – Vol. XLII : Dictionary of Authors (A-J). – P. 146.
19. [Phillips W.] *Art. 9. – A memoir on the commerce and navigation of the Black Sea, and the trade and maritime geography of Turkey and Egypt, in two volumes, illustrated with charts. By H. A. S. Dearborn. Boston, Wells & Lilly, 1819 // The North American Review and miscellaneous journal. – Boston, 1820. – Vol. X. – P. 168–183.*
20. Sparks J. *Life of John Ledyard, the American traveler* / J. Sparks. – Boston : Little, Brown and Company, 1828. – 325 p.

Prochorova T. A. “The another Crimea” : the retransmission of historical myths of Russia in American literature about travels through the Crimea in the XIX century / T. A. Prochorova // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 3. – P. 14–47.

At the turn of XVIII–XIX centuries the first travelers from America have appeared in Russia and in the Crimea – the Southern part of the vast Russian Empire. The young U.S. government had a significant interest in the Northern Black Sea region in light of the potential political and economic benefits to the American continent. The article describes the works, which came from the pen of two American travelers Henry Dearborn and George Ditson, who had created a special image of the Crimea – far and once great region, place of the existence and flourishing of the great civilizations of antiquity. The author makes an attempt to analyze the scheme of imposing a general historical myths about Russia on the Crimean reality. Travelers told to contemporaries in the writings about their time on the peninsula, what makes their work a valuable historical source, transporting us to the Crimea for two centuries ago.

Key words: Crimea travelers of the late XVIII – early XIX century, historical myths about Russia, Crimea, Simferopol, America.